

В своем эссе я хочу рассказать о спектакле «Феи», который Гоголь-центр выпустил в мае, во время карантина. Режиссер данного спектакля – Илья Шагалов. Сам спектакль – это, изначально, адаптация спектакля Давида Бобе и «Седьмой студии». Текст писал драматург Ронан Шено и писал он его таким образом, чтобы во время репетиций он мог изменяться, подстраиваясь под события, которые происходят в время, когда его ставят.

«Феи» уже были показаны на сцене Гоголь-центра какое-то время назад. А во время карантина Илья Шагалов решил попробовать перенести его в видео-формат. Спектакль длится 45 минут или час (так как его нет в сети, я боюсь ошибиться). В нем рассказывается о том, что происходит вокруг нас всех и вокруг главных героев. Пандемия, карантин, изоляция, мысли о будущем, тревога о настоящем. Страхи, переживания, радость, смех. Все это показано не поочередно, а вместе. Эмоции и чувства перемешиваются, слова сливаются, а потом сталкиваются, что вызывает странные ощущения.

Сам режиссер сказал, что спектакль представляет из себя видео-арт. Это правда, там использовались элементы видео-коллажа, было наложение одного или нескольких видео друг на друга, быстрый монтаж, интересные сочетания музыки и видео. Также интересно то, что в спектакле были использованы видео разных форматов. Это обусловлено в первую очередь тем, что актеры сами снимали себя или же друг друга на телефоны и веб-камеры. Были как горизонтальные, так и вертикальные кадры. Далее при монтаже с ними еще поработали – кадры меняли цвета, размер, двигались и мигали.

Настроение у работы довольно тревожное, герои спектакля постоянно пытаются перекричать, перебить друг друга, их голоса, хотя они часто говорят одновременно, не сливаются в одно целое, а, наоборот, скорее противостоят друг другу, отталкиваются друг от друга. Это происходит не только с речью, но и с мыслью, с идеей, который доносит каждый герой. Когда герои все вместе говорят друг с другом, и зритель видит их всех, очень мало предложений складываются в один общий текст. Остальные – звучат отрывками, не связанные с речами других. Каждый герой будто говорит сам с собой или обращается к абстракции, а не к кому-то из других героев.

В спектакле серьезное перемешивается со смешным. Сначала Александра Ревенко говорит про смерть, про страх, хаос и безнадежность, а потом Александр Горчилин полуголый поет в душе, используя сам душ вместо микрофона, пока его снимают на айфон. В спектакле очень много серьезных и тяжелых монологов. Их сложно переварить и они поднимают довольно важные проблемы. И при этом в спектакле много шуток, комедии. У героя спрашивают, что для него самое важное в жизни, а он отвечает, что наркотики, он матерится и отвергает любовь и чувства, отшучиваясь и посылая того, кто его спрашивает. При этом есть рассуждения про любовь к себе, про хаос вокруг, показываются тяжелые эмоции, которые передают такое же тяжелое и тревожное состояние. Иногда кажется, что текст используется слишком важный и устрашающий.

Слишком нереальный и слишком далекий от простой речи. Можно, наверное, сказать, что слишком литературный. И градус этой серьезности сбивается как раз-таки комедией. Мат, глупые шутки, странные танцы и пение – все разряжает обстановку. Использован контраст. Но как будто амплитуда слишком большая. Как будто материал раскачивается в разные стороны слишком сильно. Это рождает странный эффект, и, лично мне, было довольно сложно это воспринимать. В какой-то момент мне начало все это казаться чересчур надменным. Актеры словно немного переигрывали, ощущалась напыщенность, и это позволяло вызвать определенные эмоции. Я испытывала тревогу и раздражение, но я чувствовала, что тем проблемам, о которых шла речь в спектакле, предавалось слишком много серьезности. Все преподносилось так, будто вокруг происходит конец света. Но потом из этого ощущения зрителя выдергивали шуткой, смешной фразой или странным действием. Не хватало времени для перехода из одного состояния в другое. Но, возможно, оно и к лучшему. Режиссер не позволяет зрителю с головой погрузиться в проблемы, постоянно переключая его с одной идеи на другую.

Да, все происходит слишком быстро. Спектакль переполнен идеями, мыслями, эмоциями и приемами. Все сменяется одно за другим без какого-то алгоритма, это один большой коллаж. Монтаж и идеи скачут с большой скоростью, не согласовываясь друг с другом. И именно это не давало мне покоя. Во второй половине спектакля мне даже хотелось его выключить. Дело тут даже не в скорости а в том, что идеи просто набрасываются и набрасываются друг на друга, приемы все меняются и меняются, но зритель словно не идет к чему-то, а просто плавает в этом водовороте. Но это уже лично мои ощущения.

Важный момент – в спектакле присутствует режиссер. Появляется он либо между кадрами с другими героями, либо кадры с ним накладываются на другие кадры. Он ничего не говорит и не совершает каких-либо значимых действий. Он сидит или лежит, смотрит окно, прохаживается по комнате. Кажется, что он тоже герой спектакля, но непонятно, с какой целью он появляется. И понятно это становится только тогда, когда узнаешь, что он режиссер. А в самом спектакле это никак не проговаривается. То есть узнать это можно только прочитав про спектакль или посмотрев интервью. Несмотря на то, что кадры с ним довольно красивые, они немного сбивают. С одной стороны, на них показан задумчивый блуждающий герой, а с другой стороны, непонятно, откуда он взялся и что он тут делает.

Я могу сказать, что ощущения от спектакля у меня были смешанные. Мне понравилось то, что режиссер и актеры взялись поэкспериментировать, но мне показалось слишком много материала они попытались уложить в такой короткий промежуток времени. Мне кажется, для того, чтобы успеть за мыслями и действиями, нужно смотреть этот спектакль не один раз, а он для этого не предназначен. В сети его сейчас не найдешь. Мне кажется, что для фильмов и спектаклей подобного формата не подходит премьера и разовые показы, потому

что у них очень быстрый темп. Даже видео-арт в музеях показывают не один раз, а зацикливают видео, чтобы его можно было смотреть много раз. В общем, спектакль вызвал у меня довольно сильную реакцию, но я не могу сказать, что это было восхищение. Это было скорее смятение, тревога и непонимание. Не могу сказать, что я сильно советую этот спектакль. Если и советую то только в качестве наблюдения за экспериментальным театром и видео-артом.